

Синтаксический облик современных бурятских художественных произведений

Syntactic shape of modern Buryat works of art. This article presents the results of a study of modern Buryat prose in terms of the degree of preservation in it of the original Buryat syntactic structures and the influence of the contacting Russian language. Originally Buryat we consider constructions characteristic of the syntax of the Buryat chronicles and prose of the beginning of the XX century. The author comes to the conclusion that the modern syntactic image of Buryat prose was significantly influenced by two factors: the transition of the literary language to the Khorinskii dialect basis and the influence of the Russian language. The transition to a dialectal basis is associated with the penetration of conversational constructions into literary speech. But the influence of the Russian language is connected with the emergence of new constructions and with a change in the case management of some Buryat verbs.

В лингвистике долгое время считалось, что грамматический строй, в частности синтаксис, является устойчивой системой, менее всего подверженной изменениям со стороны внешних факторов (например, другого языка). В этой статье излагаются результаты исследования современной бурятской прозы на предмет степени сохранения в ней исконно бурятских синтаксических конструкций и влияния контактирующего русского языка. Исконно бурятскими считаем конструкции, характерные для синтаксиса бурятских летописей и прозы начала XX века.

О подверженности синтаксиса изменениям Т.Б. Агранат в своей докторской диссертации пишет следующее: «Сохранность исконного полипредикативного синтаксиса зависит от социолингвистического статуса языка. Объясняется это тем, что синтаксический уровень очень сильно подвергается изменениям под влиянием контактирующих языков, и консервирующим его механизмом является нормирование» [1, с. 5].

Исследователь устной бурятской речи Б.Д. Цыренов также отмечает изменения на синтаксическом уровне: «в синтаксисе происходит перестройка порядка слов в словосочетании и предложении (иногда с явным его нарушением), калькирование целых синтагм из русского языка также наложило свой отпечаток» [6, с. 13]. Хотя он исследовал устную речь, наш анализ современных художественных текстов также выявил ряд системных сдвигов, обусловленных, во-первых, переходом литературного языка на хоринскую диалектную основу, во-вторых, влиянием русского языка.

Первое, что бросается в глаза в современных художественных произведениях, это явление упрощения синтаксических конструкций, которое мы связываем с переходом письменного монгольского языка на хоринский диалект с использованием кириллицы в 1937 году. «С переходом на кириллицу литературные нормы письменного монгольского языка были заменены разговорными нормами хоринского диалекта. Смена норм литературного языка, ввод кириллицы и диалектной лексики с фарингальным звуком *h* повлияли на изменение лексики, фонетики и синтаксиса литературного языка бурят, а также на утрату им соответствующих норм письменного монгольского языка. В результате бурятский язык на кириллице стал отличаться от литературного бурятского языка на монгольской письменности и даже на латинице. Этот факт позволяет говорить о появлении нового литературного языка бурят на кириллице» [3, с. 4]. Г.Д. Санжеев писал, что «в бурят-монгольском языке, как и в письменно-монгольском, сочинение при помощи деепричастий первой группы, а также будущего причастия в дательном падеже, широко используется для составления длинных периодов, тянущихся, по выражению монгольского автора, как хвост змеи или бараньи тонкие кишки» [5, с. 71]. Сложные синтаксические комплексы (ССК), по определению Л.Б. Бадмаевой, характерные для текстов бурятских летописей и ранних произведений, малоупотребительны в настоящее время. «Подобного рода конструкции уже не употребляются в современном литературном языке бурят и должны квалифицироваться как архаизмы» [1, с. 144]. Если в текстах на старомонгольском языке период включал до 10-15, а то и более предикативных частей, то в современных текстах максимальное количество достигает 5-6, т.е. в два раза меньше. Пример:

- (1) *Нэгэтэ эдэ хоёр ишгэ-жэ хөөрэлдэ-һөөр* | *аргал түү-жэ,*
однажды эти двое ргох-сүв разговоривать-сүв кизяк собирать-сүв

гэр-т-ээ	дүтэл-хэ-д-өө,	үбгэн бааб-ай-нгаа	гэр-эй-нгээ	дом-dat-refl
приближаться-рс.fut-dat-refl	дедушка-gen-refl	дом-gen-refl		
газаа	гар-аад нуу-жа бай-х-ые	холоһоо хара-жа,		
вне	выходить-cvb	сидеть-cvb	аух-рс.fut-acc	издалека
видеть-cvb				
тон ехээр	баярла-ба-д.			
очень	сильно радоваться-pst-3pl			

Однажды эти двое, когда, таким образом разговаривая и собирая кизяк, приблизились к дому, увидели издалека, как их дедушка сидит на улице возле дома, и сильно обрадовались' (Ц. Шагжин *Улаан морид* 1981; Бурятский корпус).

Сближение литературной и разговорной форм существенным образом повлияло на синтаксис и отразилось на различных языковых фактах: на падежном оформлении субъектов оборотов, на распространении причастия завершено-прошедшего времени и аналитической формы несоответствия ожиданиям (миративности), а также других конструкций, относящихся к разговорному стилю.

В падежном оформлении субъектов оборотов именительный падеж сменился на родительный падеж. Пример:

(2)	<i>Тайшаа-гай</i>	<i>үгэ</i>	<i>хэлэ-нгүй</i>	<i>саашаа ошо-мсоор,</i>	<i>нэгэ</i>
тайша	слово	говорить-cvb.neg	в сторону	идти-cvb	один
<i>шэрүүн гар</i>	<i>Дорж-ын</i>	<i>сарбуу шүүрэ-бэ.</i>			
шершавый	рука Д.-gen	локоть	схватить-pst[3sg/pl]		

'Как только тайша отошел в сторону, не сказав ни слова, чья-то шершавая рука схватила за локоть Доржо' (Ч. Цыдендамбаев *Банзарай хүбүүн Доржо* 1953; Бурятский корпус).

Причастие завершено-прошедшего времени на *-нхай*, характерное для разговорной речи хоринских бурят, «в настоящее время получает широкое распространение в бурятском литературном языке» [3: 270].
Примеры:

(3)	<i>Айхабтар</i>	<i>хайхан</i>	<i>сэдьхэл-тэй</i>	<i>нэгэ</i>	<i>басаган</i>	<i>шамда</i>
чрезвычайно	хороший	душа-ргор	один	девушка	ты:dat	
<i>дурла-нхай.</i>						
влюбляться-рс.res[3sg/pl]						

'В тебя влюблена одна девушка с очень чистой душой' (Ч. Цыдендамбаев *Түрэл нютагнаа холо* 1958; Бурятский корпус)..

Аналитическая форма со значением миравитивности – *н гэхэдэ*- также имеет происхождение из устной разговорной речи:

(4)	<i>Эсэгэ</i>	<i>Малаан-ай</i>	<i>хара-н гэ-хэ-дэ,</i>	<i>домбо-нь</i>
отец	М.-gen	видеть-cvb	аух-рс.fut-dat	кувшин-poss3
<i>хоохон</i>	<i>бай-ба.</i>			
пустой	быть-pst[3sg/pl]			

'Когда отец Малаан увидел, его кувшин оказался пустым' (Ч. Цыдендамбаев *Түрэл нютагнаа холо* 1958; Бурятский корпус).

Специализированное средство выражения значения недоверного сравнения – разговорная конструкция с частицей *юмэ (н)дэл* также проникает в тексты литературного языка. Эта конструкция всегда выражает в придаточной части ирреальное, воображаемое событие:

(5)	<i>Дуугар-ха</i>	<i>бүхэндөө</i>	<i>аман-һаа</i>	<i>алта</i>	<i>унагаа-жа</i>
говорить-рс.fut	каждый раз	рот-abl	золото	ронять-cvb	
<i>бай-даг юмэдэл,</i>	<i>тэрэ</i>	<i>үгэ</i>	<i>үсөөн-тэй</i>		
аух-рс.hab	рcl	он	слово	редкий-ргор	

'Он немногословен, как будто всякий раз, когда говорит, изрыгает золото' (Ж. Тумунов *Нойрһоо хэриһэн тала* 1949; Бурятский корпус).

У этой конструкции с причастием будущего времени на *-ха* в зависимой части также есть одно специфическое значение: зависимая часть обозначает возможную цель главного действия, в которую говорящий не верит:

(6)	<i>Тамхи</i>	<i>тата-жа,</i>	<i>дулааса-ша-ха юмэдэл,</i>	
Табак	курить-cvb	греться-intens-рс.fut	рcl	
<i>үдхэн</i>	<i>утаа-гаар-нь</i>	<i>ут-уула-н</i>	<i>һуу-на</i>	
густой	дым-ins-poss3	дымить-caus-cvb	сидеть-prs[3sg]	

‘Сидит в густом дыму, как будто согрется, выкурив папиросу’ (Ц.-Ж. Жимбиев *Урасхал* 1973; Бурятский корпус).

Следующая конструкция разговорного стиля – многозначная конструкция с орудным падежом причастия. Примеры:

(7) *Майдар-ай заа-даг-аар лэ жаргал-аа бэдэр-хэ*
 М.-gen учить-рс.hab-ins рсl счастье-геfl искать-рс.fut
ёһотой юм бай-гаа...
 должен рсl аух-рс.prs[3sg/pl]

‘Должен был искать свое счастье, как учит Майдар’ (Д. Эрдынеев *Хулэг инсагаална* 1974; Бурятский корпус).

И, наконец, в выражении условных отношений условное деепричастие на *-бАл* из старописьменного монгольского языка вытесняется другим специализированным средством – конструкцией с частицей *һаа* в сочетании с причастиями, чаще всего незавершено-прошедшего времени *-АА*.

(8) *Үхэ-хэеэ хэбт-ээд, адуун тухай һанаата боло-но*
 умирать-сvb лежать-сvb скот рстр беспокоиться-prs[3sg]
гээжэ хүн дуул-аа һаа, шoo үзэ-хэ юм бэээ.
 сомр человекслышать-рс.prs рсl осуждать-рс.fut рсl рсl[3sg]

‘Если кто-нибудь услышит, что, собираясь умирать, переживаю за скот, наверное, осудит’ (С. Цырендоржиев *Ондоо байдал байхагүй* 1977; Бурятский корпус).

(С. Цырендоржиев *Ондоо бодол байхагүй* 1977; Бурятский корпус).

Свидетельством влияния русского языка являются, во-первых, местоименно-соотнесительные корреляты типа *хэн-тэрэ* ‘кто..., тот’, *хаана-тэндэ* ‘где..., там’ и т.д.

Примеры:

(9) *Маанарые хэн айлга-на-б, тэрэ гэмтэй.*
 мы:асс кто пугать-prs-рсl тот виноватый

‘Кто пугает нас, тот виноват’ (Х. Намсараев *Үүрэй толон* 1959; Бурятский корпус).

Во-вторых, с большой долей уверенности о влиянии русского языка можно говорить про управление глаголов *һонирхо-* ‘интересоваться’ и *амаршал-* ‘поздравлять’ причастными формами в орудном падеже:

(10) *Тунгалаг директор-эй ямар ном унша-даг-аар-нь*
 Т. директор-gen какой книга читать-рс.hab-ins-poss3
һонирхо-бо.

интересоваться-рст[3sg/pl]

‘Тунгалаг поинтересовалась тем, какие книги читает директор’ (Ц.-Д. Хамаев *Найдал*, 1967; Бурятский корпус).

(11) *Савва Владиславович Богдо хаан-ай үгэ шагн-аад,*
 С. В. Б. хаан-gen слово слушать-сvb
тэнгэри изагуурта агууехэ империи-ие толгойл-жо
 небо происхождение великий империя-асс возглавлять-сvb
һуу-һ-аар-нь тэрэ-ниие амаршал-ба
 аух-рс.pst-ins-poss3 он-асс поздравлять-рст[3sg/pl]

‘Савва Владиславович, послушав речь Богдо хана, поздравил его с тем, что он возглавляет великую империю небесного происхождения’ (Б. Санжин, Б. Дандарон *Заяанай зам*, 1966; Бурятский корпус).

В-третьих, не исключено влияние русского языка также на появление конструкций с некоторыми послелогоми, например, *зорилгоор* (*зорилготой*) (образованы от слова *зорилго* ‘задача, цель, намерение’; соответственно, с показателями орудного и совместного падежей), *талада* (от слова *тала* ‘сторона’ с показателем дательного-местного падежа). Конструкции с послелогоми *зорилгоор* (*зорилготой*), подчеркивая само понятие «цель», фокусируют внимание слушающего на зависимой части (ср. рус. *чтобы* и *с целью*):

(12) *Зон-до зөөлэн хуули биш болго-хо зорилгоор хаан-ише*
 народ-dat мягкий закон есть аух-рс.fut рстр хан-асс
эсэргүүсэ-н бод-оо юм.
 протестовать-сvb вставить-рс.prs рсl[3sg/pl]

‘Выразили протест против царя с целью смягчить законы для народа’ (Ч. Цыдендамбаев *Банзарай хүбүүн Доржо* 1953; Бурятский корпус).

(13) *Гээгдэл-ээ хүсүүл-хэ талада-м Дугар яһалашье*

потеря -refl восполнять-рс.fut pstp-poss1sg Д. достаточно
туһал-аа *даа...*
помогать-рс.prs рсI

‘Дугар достаточно помог мне (по части того, чтобы) восполнить потерю’ (Г. Бадмаева *Шэнхинуур хонхо* 1984; Бурятский корпус).

Таким образом, на современный синтаксический облик бурятских художественных произведений существенно повлияли два фактора: переход литературного языка на хоринскую диалектную основу и влияние русского языка. С переходом на диалектную основу связано проникновение разговорных конструкций в литературную речь, а с влиянием русского языка – появление новых конструкций и изменение в падежном управлении некоторых глаголов.

Литература

1. *Агранат Т.Б.* Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии: Дис. ... докт. филол. наук/ Т.Б. Агранат. М., 2009. 235 с.
2. *Бадмаева Л.Б.* Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2005. 215 с.
3. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы. 1962. 340 с.
4. *Санжанов Ж.Ш.* Формирование общественно-политической лексики бурятского языка на монгольской письменности в 20-30-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.Ш. Санжанов. Улан-Удэ, 2017. 28 с.
5. *Санжеев Г.Д.* Грамматика бурят-монгольского языка. М., Л., 1941. 171 с.
6. *Цыренов Б.Д.* Интеркаляция и транскаляция в современном бурятском языке // Вестник Бурятского государственного ун-та. Улан-Удэ: Изд-во Бурятский госуниверситет. №2, 2016. С. 10-16.